

Елена Андрейчикова

Прошу, поговори со мною о войне

Мне страшно представить, к чему может привести молчание. А ведь оно обязательно приведет. Процесс необратим, и последствия predetermined. Сомнений больше нет, что однажды молчание разорвет нас изнутри, разорвет нам мозг, легкие, печень и сердце, уставшее перекачивать необратимость новостей и количество смертей. Разорвет наш мир, судьба которого висит на хрупком волоске. Судьба которого зависит от каждого разговора, любого формата: от межгосударственных переговоров до тихого последнего признания в бомбоубежище. И от нашего с тобой в том числе. И грянул гром. Да, да, наш с тобой возможный честный разговор мне напоминает бабочку по Брэдбери: стоит тронуть ее – и мир больше не будет прежним, несмотря на кажущуюся на первый взгляд незначительность и бессмысленность затеи.

Поговори со мной.

К тому же мне больше не с кем.

Мне ни с кем нельзя.

Поэтому прошу тебя.

Мне нельзя говорить с сыном так, как мне очень нужно: не контролируя ужас и страх в собственном голосе, не сдерживая отчаявшуюся мимику, не контролируя оружие жесты. Без пессимизма согласных, последней надежды гласных и истеряющих восклицательных знаков. Вывернуть себя наизнанку перед десятилетним сыном я не могу. А, как ты понимаешь, хочется.

Мой сын, к сожалению, уже много знает о войне.

Знает, как просыпаться в обычный четверг не под знакомые, пусть и надоевшие трели будильника, а под сигналы воздушной тревоги.

– Мама, в школьной группе пишут, что началась война.

Когда он произносит это слово первый раз, оно вырывается из него легко, без пауз, без хрипа на последнем слоге. Без осознания, но бессознательность длится недолго, всего несколько часов, которые разделяют мальчика со счастливым детством и мальчика войны.

Он слышал, он читал, ему рассказывали, но пока эта далекая выдуманная война для него ничего не означает.

Ты знаешь, и я воспользовалась этим его незнанием. Выезжая из Киева, мы виртуозно играли с ним в игру: мы спецагенты, нам надо быстро собраться и быстро выехать из города. Желательно в объезд главной магистрали, по полям, до Одессы, потому что желающих выехать сотни тысяч, а бензина всего полбака.

Он мне поверил. Ты же знаешь, все дети до определенного возраста верят мамам. А может, и всегда. По крайней мере готовы прислушиваться. Особенно мальчишки к мамам.

Мы выехали.

И долго еще ехали до Одессы, потом дальше, дальше, дальше. Пять дней в дороге, разные города, разные люди, разные страны, разные надежды. Сейчас мы в Турции. В Стамбуле тихо и спокойно, но мы все еще вздрагиваем от каждого громкого сигнала автомобиля, от фейерверков и весенней грозы.

Когда мы вернемся домой, никто не знает.

Но я все время думаю о том, что когда мой сын вырастет, он будет рассказывать своему сыну, как пережил войну. Как ему удалось с мамой выехать. Но не всем его друзьям это удалось. Какое количество детей уже никому ничего не расскажет...

Поговори со мною о войне, мне больше не с кем.

Еще моя мама рядом со мной, но я не могу с ней говорить о войне. Я могу с ней только шутить, готовить вместе еду, подолгу нарезать салат оливье аккуратными кубиками, это отвлекает, это успокаивает. Еще я заставляю ее читать художественные книги, а потом мы их обсуждаем. О чем угодно, но только

не о войне. Ей нельзя, у нее давление, тахикардия и страх за всех детей и за всех внуков.

Когда я звоню мужу, мы не говорим с ним о войне. Мы говорим о том, как скучаем друг по другу, как подрост наш сын, что мы будем делать после нашей победы и как карикатурно выглядит Медведчук. А еще говорим о нашей мечте, что однажды мы купим себе парусную лодку и пойдем в кругосветное путешествие. Мы высылаем друг другу фото лодочек и яхт. Я не могу с ним говорить о войне. Он там, а я здесь. О чем угодно, но не о войне.

А еще я не могу говорить о войне с подругой, которая чудом вырвалась из Бучи, просидев в подвале без еды и воды. Она уже в Австрии. Ее сын начал заикаться, но даже об этом мы с ней не говорим. Мы говорим о том, как однажды будем танцевать до утра. И шлем друг другу вдохновляющую музыку, и, конечно, все варианты «Ой, у лузі червона калина нахилилася...» от Андрея Хльвнюка, и Pink Floyd.

А еще я никогда уже не поговорю с ее соседями по дому, они никогда и никому ничего уже не скажут.

Я не хочу тебя напугать.

Просто поговори со мной.

А как ты живешь? Чем живешь? Спишь ли спокойно по ночам, или смотришь кошмары о ядерном взрыве? Съедают ли тебя тревоги за своего мальчика, у тебя же тоже мальчик, мы похожи, мы можем друг друга понять, ведь правда? Кормишь ли ты свои тревоги, или они кормят тебя?

Ты помнишь, как ты впервые узнала, что будешь мамой? Как его носила, как рожала, как кормила? Ты помнишь его первый крик и первый шаг? Каким было его детство? Ты была счастливой мамой?

Расскажи, каким ты видишь его будущее. Если видишь. Как бы ты хотела, чтобы он жил после войны. И жил ли вообще? Тебе бы хотелось, чтобы он жил? Расскажи.

Скажи мне правду. Я знаю, что эта грязная девка-война постучалась и в твой дом. И к твоему мальчику она протягивает руки, мечтает о его объятиях, мечтает сплестись и с ним в последнем танце, отнять его у мира, у тебя, у будущего, у жизни. Возможно, она поет свою страшную песню издали, но ты уже слышишь

ее голос, а может быть, уже чувствуешь рядом ее холодное смертельное дыхание? Что ты делаешь для того, чтобы девка-война ушла прочь от твоего дома? Прошу тебя, не молчи, не отводи взгляд, не делай вид, что меня нет, что тебя нет, что твоего сына нет и надежды нет.

Мне не с кем поговорить о войне, поэтому я прошу тебя. Давай наконец тронем эту хрупкую еле видимую бабочку. Поговори со мною о войне, мама российского мальчика, мама русского солдата.

